

Александр Калюта (Кайсери, Турция)

КАРПОВ

"Все́м ясно, что у гениев должны
быть знакомые. Но кто поверит,
что его знакомый – гений?"

Сергей Довлатов

Когда в 1966 году на филологическом факультете БГУ создавалась кафедра общего и славянского языкознания, Адам Евгеньевич Супрун пригласил на работу несколько человек, долгие годы затем определявших её лицо. Это были люди среднего и старшего поколения учёных: Б.И. Косовский, Н.А. Павленко, К.М. Гюлумянц, Н.С. Можейко, М.А. Муталимова. Но и среди этих замечательных людей студенты всегда особо выделяли двоих молодых: Бориса Юстиновича Нормана и Владимира Александровича Карпова. Вместе с Адамом Евгеньевичем они составили своеобразный треугольник-основание кафедры, в котором Супрун был гипотенузой, а Норман с Карповым катетами.

Это были духовные лидеры студентов. Каждый из них был личностью, вождём, за которым хотелось идти, у которого хотелось учиться. Они постоянно генерировали идеи: научные, общественные, творческие, воспитательные. Они создавали традиции, и это получалось у них легко, интересно, весело и талантливо. О каждом из них можно рассказать много интересного и поучительного. Каждый из них даже не глава в книге, а сама книга, том или многотомник. Грустно, что нет уже двоих из них...

Помню первую встречу с Владимиром Александровичем. Карповым. Но сначала предыстория. В 1970 году я, тогда первокурсник филфака, слушал лекции по языкознанию доцента Б.Ю. Нормана. Студенты сразу полюбили молодого 24-летнего преподавателя за необычный раскованный стиль чтения, доступность, образность, живой язык и свободную манеру общения. По-моему, половина девушек с нашего курса сразу влюбилась в него, а вторая половина намеревалась это сделать непосредственно перед экзаменом. Многие из нас ревностно относились к деловым и дружеским контактам любимого преподавателя. Тогда я, зная о безнадежных чувствах вздыхавших по Б.Ю. (так мы, любя, между собой называли Бориса Юстиновича) девушек, предложил оформить факультетский стенд с фотографиями воздыхательниц под общим названием "Они сражались за Нормана".

Мои чувства к Б.Ю., естественно, были другого происхождения. Как-то я увидел идущего вдоль ограды тогдашнего ЦК КПБ (филфак находился на улице Красноармейской, 6) Б.Ю. с каким-то мужичком в белой летней кепке. Они оживлённо беседовали, причём собеседник Нормана слегка косолапил в жёлтых замшевых ботинках и называл Б.Ю. "Боря, ты". Я остолбенел, увидев, что незнакомец снял свою кепочку и зашвырнул её за ограду ЦК! Это был жест из разряда "прощай, старая жизнь!" Кажется, я мысленно назвал его чудаком. И уж никак я не мог тогда представить, что этот человек станет для меня не только учителем во всех смыслах, но и другом, надёжным товарищем, поддержкой в любой ситуации. Это был Карпов, это был великий Карпов! Слова Горького о Ленине можно на 100% отнести к нему: "Какая глыба! Какой матёрый человечиче!"

Потом было близкое знакомство на семинарах по болгарскому. Он влюбил нас в этот язык, потому что влюбил в себя. Наверное, если бы Карпов преподавал любой другой язык, мы бы также полюбили этот язык, как полюбили болгарский. Многие ведь выбирали его только потому, что хотели общения с Карповым. Он и в самом деле поначалу казался чудачком, потому что был не такой, как все. Он летал высоко, не отрываясь от земли. Он быстро увлекался и ненавязчиво приучал других к своим увлечениям, будь они научными, литературными или творческими. Он открыл нам ряд великих имён, ставших литературными кумирами филологической молодёжи 70-х: М. Фриш, Ф. Дюрренматт, Ф. Кафка, Ж.-П. Сартр, К. Воннегут, А. Платонов, М. Булгаков... Он открыл нам великую Эву Демарчик, чей вокал на глубокие стихи русских и польских поэтов сравним разве что с глубиной и красотой исполнения Елены Камбуровой. И, уж конечно, поэтические вкусы Владимира Александровича стали и нашими вкусами!

Он не только хорошо чувствовал русскую поэзию, но и сам был первоклассным поэтом. Две моих главных поэтических любви зародились в то время. В.А. Карпов по-новому открыл Бориса Пастернака, а Б.Ю. Норман подарил книжку стихов "Вестник" малоизвестного тогда Арсения Тарковского. Потом они неоднократно слушали (и любили) мои песни на стихи этих великих поэтов: это я об отдаче, которую они очень часто получали в ответ на внимание к другим.

Карповская страсть к поэзии вообще не знала границ. Он мог часами читать свои и чужие стихи, а уж когда мы собирались 16 марта у него на дне рождения, он обязательно читал что-нибудь новое. Большая удача, что свой первый сборник стихов "Амальгама" он смог раздарить своим друзьям сам. Впрочем, всё, за что брался Владимир Александрович, получало налёт фанатизма. И в поэзии, и в науке, и в своём отношении к людям, к ученикам он был фанатиком. Не фанатом, а фанатиком, и это иногда заставляло его идеализировать людей, приписывать им свойства, которыми они обладали не в полной мере или не обладали вообще. Он находил оправдание многим нашим проступкам, но всегда мягко давал понять, что повторения быть не должно. Он вообще здорово умел прощать, потому что пытался понять человека и потому что сам ошибался. Но при этом он тонко различал глупости и подлости: вот уж авторов последних он не терпел!

Сначала мне казалось, что мы у него одни: было ядро моих сокурсников, к глубокой печали, рано умерших – Света Дашинская, Света Егорова, Жора Цурран, – с которыми он возился как воспитатель с маленькими детьми. Только вместо игрушек были книги, стихи, истории, песни. Но позже оказалось, что десятки иных также находятся под его опекой. Он вникал в личные проблемы каждого и всегда находил время и силы, чтобы помочь морально и материально. Даже были ситуации, когда Карпов оказывал студентам физическую защиту! Известен случай из нашей "картофельной" молодости. Сорокалетний Карпов поехал руководителем группы студентов на сентябрьские сельхозработы. Группа, естественно, состояла из девиц. И со всех ближайших деревень, как пчёлы на гречишное поле, слетались местные хлопцы в поисках доступной любви. Иногда и вправду завязывались отношения более чем дружеские – всюду жизнь! Но случались и конфликты на почве безответных чувств с битьём стёкол, выламыванием ограды и вытаптыванием хозяйских огородов. Вот в такой конфликт пришлось радикально вмешаться Владимиру Александровичу, когда он с оглоблей в

руках защищал девичью неприкосновенность от стада трактористов и комбайнёров.

И защитил!

Они оба с Б.Ю. были неистощимы на выдумки. Это они создали и редактировали знаменитую в 60–70–80-х годах стенную газету "Слово филолога", состоявшую аж из 10 полос! Бездна фантазии, тонкий юмор, скрытая сатира – вот стиль материалов, которые готовили студенты под их управлением. Легендарный "Этимологический словарь", за который Карпов, Норман и К* получили премию "Литературной газеты", впервые появился на этом газетном ватмане. Через работу в редакции "Слова филолога" прошли десятки студентов и сотрудников факультета, получивших бесценный опыт культуры общения и развития творческой мысли. Они оба ненавязчиво прививали чувство языка и чувство меры.

Они же курировали нашу команду КВН 70-х годов, проигравшую лишь одну, финальную, игру физикам. Во многом они повлияли на становление талантов будущих известных писателей, поэтов, художников, журналистов, режиссёров кино и просто учителей Виталика Шувагина, Константина Куксо, Константина Северинца, Алеся Кожедуба, Вадима Борщевского, Натальи Митяниной, Сергея Политыко, Дмитрия Подберезского и др. С их прямым участием окрепла традиция проведения ежегодных майских славянских вечеров. За ручку никто никого не водил: энтузиастов, желавших создать маленький концертный шедевр вместе с Б.Ю. и В.А., всегда хватало.

В 70-ые годы сложилась ещё одна отличная традиция. В конце апреля-начале мая мы открывали туристический сезон. Это было сладкое время туристических слётов, песен под гитару у костра, культового фильма "Вертикаль". В горы мы, правда, не ходили, но у нас были леса, реки и Карпов! Клон первомайских демонстраций в лесном массиве с "правительственной" трибуной, на которой стояли прикреплённые к древкам портреты членов Политбюро из "Огонька" во главе с Карповым, остался перед глазами в чёрно-белых фотографиях. "Работники" различных отраслей промышленности демонстрировали "дорогим членам Политбюро" небывалую мощь советской экономики и безудержность лесного диссидентства. Венчал эту процессию военный парад всех родов войск, начиная от межконтинентальных баллистических ракет (их роль выполняли брёвна) и заканчивая пограничниками со служебными собаками, роль которых исполняли мы сами. "Член Политбюро" Карпов махал нам ручкой с трибуны и кричал: "Здравствуйте, товарищи танкисты!"... По карповской же инициативе мы отнесли подарки в находившийся на краю леса детский дом, где мучались без родителей больные полиомиелитом дети.

Весенние походы проложили тропинку в другой мир не только десяткам филологов, но и нашим друзьям биологам, физикам, врачам, химикам, художникам и даже иностранным студентам. Всех манила не только природа, чистый воздух и возможность отдохнуть, но радость общения с Владимиром Александровичем. А он буквально фонтанировал идеями, заряжал энергией, побуждал к творчеству. Он открывал нам глаза на мир с другой, светлой стороны, учил не только смотреть, но и видеть. Он был равный среди равных.

Его щедрость многие воспринимали как должное: это же Карпов, он всегда такой! Помню, как в 1972 году он привёз из командировки в Софию экземпляров 20 книжки Лотмана "Анализ поэтического текста" и раздарил их

своим ученикам. Книги вообще были любимыми предметами дарения для него. Он открыл для нас Проппа и Хармса. Он даже в политизированном Маяковском научил видеть тонкого мастера рифмы и метафоры.

Но, уча других, он рос и сам. Ему было у кого учиться. Отец погиб на войне, но его фотография всегда была перед глазами в маленьком кабинете на Ольшевского, заросшем книгами до потолка. Библиотека постоянно пополнялась, но четыре портрета стояли при любой перестановке: отца, любимой жены Лилии, Пастернака и Маргариты Тереховой, очень схожей внешне с Лилей. Позже появился коллективный портрет с Виталием Барановским и Владимиром Будаем. Конечно, велико было влияние Адама Евгеньевича в те годы: они уважали и ценили друг друга, хотя не во всём их взгляды совпадали. Но оба как раз приветствовали иную точку зрения, старались вникнуть в неё: они были выдающимися демократами и стопроцентными интеллигентами. Знаю, как велико было взаимовлияние двух выпускников филфака ЛГУ: Карпова и Нормана. Оба прислушивались друг к другу, оба тянули студентов в одном направлении. Жаль, что не всё было гладко в их отношениях в дальнейшем: вместе они были сильнее.

Карпов рос, и другими учителями были его студенты. Карповское одобрение было моральным допингом для нас. Как-то он, прослушав новую шуточную песню, сказал: "Это посильнее, чем у Высоцкого!" Конечно, это была завышенная оценка, но это был и сильнейший стимул к дальнейшей работе. Его стихи 60-х годов были лишь ступенью к мастерству 90-х. Он начинал с бледных рифм вроде "Gratis. Ну а по-русски, даром. Я же слов скупые гроздья не раздариваю", а пришёл к сложнейшим, доступным только ему созвучиям. Он всегда ценил чужой талант и всячески подталкивал его обладателя к новым вершинам. Благодаря ему выросли в поэты такие самородки, как Костя Северинец и Жора Цурран. Он всегда прививал хороший вкус: к науке, литературе, языку, людям, к хорошему вкусу, наконец. Его семья давно смирилась с тем, что Карпов принадлежит не только ей, а многочисленным ученикам, коллегам и друзьям. Какие-то физики, биологи, математики, системологи оживлялись, когда оказывалось, что их новые знакомые связаны с Карповым. Одна моя студентка конца 90-х годов при упоминании имени Карпова воскликнула: "Вы говорите о нашем Карпове?" – он был наш во всех смыслах и во все времена.

Карпов не любил конфликты и хмурился, когда они случались, но стоял на своём! Именно поэтому он и ушёл с любимой кафедры, разойдясь во взглядах с Адамом Евгеньевичем. Однако Владимир Александрович никогда не переставал помнить то доброе, что сделал для него Супрун. К глубокой печали, оба ушли слишком рано. Жизнь развела их по разным кафедрам, а смерть – по разным кладбищам.

Когда-то Карпов написал чудное стихотворение, начинавшееся словами:

Февраль, опять февраль, ущербный, вьюжный месяц.
Все беды в феврале, печали в феврале,
Отмечен невзначай какой-то горькой мезью,
Как пасынок в семье, короток и нелеп...

Он ошибся. Ущербным стал январь, нелепым и коротким. Только 23 дня.